

Памяти Юрия Карабчиевского

(1938—1992)

31 июля. Утро. Привычно нажимаю кнопку транзистора. В эфире знакомый женский голос Инны Световой, ведущей одной из программ радио "Свобода". Но что это? Голос полон глубокой скорби. Вот и все. Больше мы не услышим тебя, Юра Карабчиевский!..

Сiju, ошеломленный. Совсем недавно мы говорили с ним по телефону. Наше знакомство не было ни близким, ни длительным, но для меня он всегда был одним из лучших писателей своего поколения.

Мы не входили в парадную дверь под вывеской "Литературное кафе". Заходили с черного хода по крутой лестнице. Держась за перила, добирались до темной мансарды, именуемой "голубятней". Электричество было там вырублено. Творческие дискуссии происходили при свечах, приносимых из дому. Все выглядело весьма романтично.

И вот однажды наше объединение "У Сретенских ворот" посетил новый гость. Наш руководитель (нынешний главный редактор "ЛН") представил его нам Юрий Карабчиевский, автор сенсационной книги о Маяковском. По-разному можно относиться к этой книге, позднее напечатанной в журнале "Театр", но было в ней неукротимое стремление к освобождению от всех догм, сковывавших наше мышление. Она не зачеркивала Маяковского, но как бы промывала золотосный песок: вот золото поэзии, вот пустая порода...

В тот вечер Карабчиевский читал эссе о фильме Тенгиза Абуладзе "Покаяние". Он увидел противоре-

чие между оперной фантазмагорией этого фильма и трагической реальностью эпохи. Не для всех оказались приемлемы нестандартные, кое в чем субъективные подходы и оценки Юрия Аркадьевича. Помню желчную тираду одного поэта-человека талантливого, но српштого и самоуверенного... И уже тогда я подметил у Юрия Аркадьевича черты, говорящие о повышенной ранимости.

С поэтическим творчеством этого не очень молодого, нервного мужчины с черной бородкой я познакомился позднее, когда альманах "Метрополь" перестал быть подпольным изданием. Не раз я ловил по утрам "Свободу", чтобы услышать репортажи Карабчиевского с берегов Красного моря. Сотни тысяч русских евреев обрели в том краю вторую родину. А вот у Юрия Карабчиевского не получилось. Ему давала творческую силу земля России. Оторванный от российской почвы, он слабел и увядал. И в то же время рвался к семье, жившей там, за тридевять земель.

Мучительная душевная раздвоенность оказалась убийственной. В самом прямом смысле. Доза снотворного оказалась смертельной. Нет больше Юрия Аркадьевича Карабчиевского яркого эссеиста, критика, поэта. Не изгладится из памяти его чеканный стих, пророчески возвещавший о том, что наступает всеобщий хаос, логарифм

несчастья.

та мера одиночества, которой мы меряем последние шаги.

И. В.

Улит. новости - 1992 (ию) - с. 5